

18+

КИРИЛЛ
ЛЕДОВСКИЙ



КРЫЛЬЯ
ВОСПРИЯТИЯ

КНИГА 2

ДИСЦИПЛИНА РАССУДКА

Кирилл Ледовский
Крылья восприятия. Книга
2. Дисциплина рассудка

<https://litres.ru/74156783>

ISBN 9785007031004

Аннотация

«Крылья восприятия. Книга 2. Дисциплина рассудка» продолжает цикл о пути дон Хуана как архитектуре собирания человека. Книга раскрывает первое крыло восприятия — очищение рассудка от говорильни, самооправдания, гнева, зависти, гордыни и имитации пути. Это текст о трезвости и внутренней мере: пока рассудок не поставлен на место, человек не может перейти к силе, воле, намерению и видению.

Содержание

Предисловие	5
Часть I. Обжорство	6
Глава 1. Ненасытность	8
Глава 2. Когда обжорство притворяется развитием	12
Глава 3. Тело знает меру	17
Часть II. Похоть	23
Глава 4. Рассудок, который хочет захватывать	25
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Крылья восприятия. Книга

2. Дисциплина рассудка

Кирилл Ледовский

© Кирилл Ледовский, 2026

ISBN 978-5-0070-3100-4 (т. 2)

ISBN 978-5-0070-3097-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Вторая книга посвящена не разуму вообще, а падшим режимам рассудка-диалога. Здесь семь смертных грехов рассматриваются как карта распада, мимикрии и возможной сборки рассудка. Эта книга нужна затем, чтобы читатель перестал путать путь с его внутренней симуляцией. Пока рассудок недисциплинирован, он присваивает себе даже самую мысль о пути.

Часть I. Обжорство

Обжорство в этой книге будет пониматься не как бытовой недостаток и не как карикатурная слабость человека, который слишком любит еду. Такое понимание слишком грубо и слишком поверхностно. Оно уводит внимание в сторону и заставляет снова обвинять тело там, где проблема находится совсем в другом месте. Обжорство — это прежде всего один из первых и самых доступных для наблюдения режимов распущенного рассудка. Это состояние, в котором рассудок не умеет сказать: «достаточно». Он всё время добирает. Ему всё мало. Он хочет ещё. Ещё пищи, ещё впечатлений, ещё разговоров, ещё новостей, ещё знаний, ещё подтверждений, ещё стимулов, ещё чужого внимания, ещё внутреннего шума, который позволил бы ему не встречаться с собственной пустотой.

Именно поэтому эта часть поставлена первой. Не потому, что обжорство будто бы «ниже» других грехов или проще устроено. А потому, что на нём удобнее всего увидеть базовую логику распущенного рассудка. Здесь почти не нужно специальных терминов. Здесь не требуется сложная философия. Почти каждый человек может узнать этот режим в себе. Он может увидеть, как рассудок сначала жрёт еду, затем начинает жрать впечатления, потом знания, потом развитие, потом даже духовный путь. И на каждом новом витке он бу-

дет уверять человека, что теперь-то всё иначе, теперь это не слабость, а рост, не распад, а поиск, не обжорство, а серьёзная работа над собой. В этом и состоит его сила. Он умеет не только потреблять. Он умеет мимикрировать.

Но прежде чем переходить к мимикрии, нужно увидеть самую грубую форму.

Глава 1. Ненасытность

Поздний вечер. Человек не голоден. Он уже поужинал. День закончен. Телу нужен сон, тишина и прекращение всякого добора. Но он встаёт, идёт к холодильнику, открывает дверцу и долго смотрит внутрь так, словно там лежит не еда, а ответ на что-то гораздо более глубокое. Ему не нужно питание. Он не истощён физически. Он не прошёл сегодня через пустыню. Он просто не может закончить день. Внутри него остаётся какое-то недожёванное состояние: тревога, раздражение, скука, чувство незавершённости, мелкая обида, непрояснённая пустота. И вместо того чтобы встретиться с этой пустотой, он суёт в неё еду.

Это одна из самых простых и самых точных сцен современной жизни. Она почти никогда не переживается как трагедия. Напротив, человек обычно даже не придаёт ей значения. Ну подумаешь, съел лишнее. Ну подумаешь, перекусил перед сном. Ну подумаешь, заел тяжёлый день. Но именно в этой лёгкости и скрывается одна из главных проблем. Человек не замечает, что в такие минуты ест не тело. Ест раскусок. Ест его внутренняя говорильня, не умеющая остановиться. Ест то в нём, что не выносит ни паузы, ни пустоты, ни неразрешённости.

Если присмотреться к этому внимательнее, станет ясно: обжорство гораздо шире, чем обычная тема еды. Еда здесь

только самая наглядная и телесно осязаемая форма. Тот же самый механизм работает, когда человек открывает телефон «на пять минут» и через сорок минут всё ещё листает чужие лица, чужие мысли, чужие новости и чужую тревогу. Он не голоден до информации в разумном смысле. Он просто не умеет остановить внутреннее добирание. Тот же механизм действует, когда он уже всё понял по теме, но продолжает смотреть десятый ролик, читать двадцатую статью, слушать сотый подкаст, не потому что ему это действительно нужно, а потому что рассудок не может перенести завершённость. Ему надо добирать.

Отсюда и главный тезис этой главы: обжорство — это первый режим рассудка, который не умеет признать меру. Он не знает, где достаточно. Он не знает, где остановиться. Он не умеет перевести действие в завершённость. Он всё время хочет добавить ещё один кусок, ещё один образ, ещё один стимул, ещё одну дозу подтверждения. И в этом смысле между ночным объеданием, новостным скроллом, бесконечным чтением «полезного» и духовным потреблением нет принципиальной разницы. Предметы разные. Архитектура одна и та же.

Важно понять и другое. В обычном бытовом языке обжорство почти всегда приклеивается к телу. Кажется, что виноват именно животный, телесный, физиологический человек, который будто бы не умеет держать себя в руках. Но если всмотреться честно, видно обратное. Тело очень рано начи-

нает подавать сигналы меры. Ему становится тяжело. Оно устаёт. Ему не нужен ещё один кусок. Оно перестаёт различать вкус. Оно клонится к сну. Оно теряет живость. Оно даёт ясный знак: хватит. Но рассудок уже не слушает. Он продолжает. Он нажимает. Он дожимает. Он добирает. И именно здесь надо зафиксировать формулу, которая должна пройти через всю книгу: рассудок распускается — тело платит.

Тело расплачивается самым первым. Оно расплачивается бессонницей, тяжестью, тупостью, воспалением, перегрузкой, потерей чувствительности, срывом ритма, общей ватностью, нервной истощённостью. Но рассудок почти всегда успевает снять с себя ответственность. Он скажет: это гормоны, это наследственность, это возраст, это погода, это нервы, это обстоятельства. Он найдёт любое объяснение, кроме самого простого. Кроме признания, что проблема не в желудке, а в ненасытности.

Особенно ясно это видно в информационной среде. Современный человек почти перестал замечать, как он обжирается информацией. Раньше обжорство имело грубую телесную форму. Теперь оно всё чаще становится культурно приемлемым. Человек может целый день читать, смотреть, слушать, спорить, обсуждать, собирать ссылки, сохранять материалы, глотать новости и при этом считать себя активным, включённым и даже развивающимся. Но если спросить его, что из этого действительно вошло в него как форма, а не как шум, выясняется неприятная вещь: почти ничего. Всё это

было не воспринято, а сожрано. И потому не дало ни силы, ни ясности, ни внутренней сборки.

Отсюда возникает ещё одно важное различие. Настоящее питание всегда ведёт к укреплению формы. Ложное питание даёт только временное забивание пустоты. После настоящего питания человек становится тише, собраннее, яснее. После ложного питания он становится тяжелее, тревожнее, тупее или вновь голоднее. Это относится и к еде, и к информации, и к впечатлениям, и к знаниям. Если после потребления ты не стал цельнее, а стал только более забитым, значит, это было не питание, а обжорство.

И здесь уже можно наметить мост к следующей главе. Пока обжорство грубо и очевидно, человеку ещё относительно легко увидеть в нём проблему. Он может хотя бы признать: да, я переедаю, да, я залипаю, да, я не умею остановиться. Настоящая трудность начинается позже. Тогда, когда тот же самый механизм надевает культурную маску. Когда рассудок начинает жрать уже не очевидную дрянь, а что-то полезное, умное, правильное, развивающее, духовное. И вот тогда обжорство становится значительно опаснее. Потому что человек уже не считает себя распушенным. Он считает себя идущим по пути.

Глава 2. Когда обжорство притворяется развитием

Есть человек, который читает пятую книгу о пути, дисциплине, внимании и безупречности. До этого были лекции, ролики, форумы, практические записи, конспекты, авторские каналы, чужие интерпретации, разборы, комментарии, марафоны и подборки «лучших техник». Он может очень уверенно говорить о внутреннем диалоге, о stalking, о безупречности, о телесной осознанности, о разрушении шаблонов, о дисциплине, о собранности. Он уже выработал хороший словарь. Он узнаёт нужные имена. Он видит себя внутри правильного круга тем. Но если присмотреться к его жизни, то становится видно: в нём почти ничего не изменилось. Он всё так же распущен, всё так же не умеет держать меру, всё так же кормит собственный рассудок, только теперь делает это более благородным материалом.

Это и есть тот момент, когда обжорство притворяется развитием.

Современная культура создала для этой мимикрии почти идеальные условия. Сегодня можно бесконечно потреблять «полезное» и ни разу не поставить вопрос о внутренней форме. Можно слушать о дисциплине, не дисциплинируясь. Можно читать о внимании, не удерживая ни одного акта настоящего внимания. Можно смотреть материалы о теле, про-

должая не слышать тело. Можно рассуждать о безупречности и при этом жить в полном рабстве у внутренней говорильни. И самое неприятное здесь то, что сам человек почти всегда чувствует себя не падшим, а продвигающимся.

Рассудок очень любит такие формы потребления. Они культурно красивы и дают внутреннее оправдание. Если ночью человек переедает пирожными, ему хотя бы неловко. Если же он до трёх часов ночи смотрит лекции о развитии сознания, читает эзотерический форум или штудировать ещё один текст о пути, он почти всегда переживает это как серьёзную работу над собой. А между тем архитектура процесса может быть абсолютно той же самой. Не мера, не различие, не практика, не перестройка, а просто новое пожирание.

Эта форма особенно опасна потому, что она делает распад трудноразличимым. В грубом обжорстве тело быстро сигнализирует: тяжело, плохо, хватит. В духовном и информационном обжорстве человек ещё долго может считать себя человеком поиска. Он даже может чувствовать превосходство над теми, кто живёт обычной жизнью. Он ведь читает серьёзное. Он ведь развивается. Он ведь работает над собой. Но в какой-то момент обнаруживается страшная вещь: этот «поиск» не ведёт к уменьшению шума. Он не даёт меры. Он не делает человека проще, точнее и яснее. Напротив, он делает его всё более забитым, всё более насыщенным чужими словами, всё более склонным подменять действие накоплением материала.

Здесь очень важно провести хирургически точное различение. Развитие всегда связано с перевариванием. Обжорство связано с набрасыванием. Развитие требует времени, тишины, удержания, внутреннего труда и изменения формы. Обжорство требует только нового предмета потребления. Развитие делает человека более собранным. Обжорство делает его более набитым. Эти состояния могут внешне выглядеть очень похоже, особенно в культурной среде, но внутренне они противоположны.

Именно поэтому одним из самых опасных видов обжорства становится обжорство духовное. Человек начинает потреблять путь так же, как раньше потреблял еду или новости. Он жрёт учения, жрёт символы, жрёт термины, жрёт практики, жрёт красивые слова, жрёт исключительность, жрёт чувство собственной причастности к чему-то большему. И очень часто всё это не приближает его к дисциплине, а наоборот делает ещё более невыносимым для самого себя. Он становится более говорливым, более надутым, более чувствительным к собственному образу, более болезненно занятым собой. Его рассудок не ослабевает. Он просто переодевается.

Здесь появляется ещё один важный тип мимикрии: обжорство под видом дисциплины. Человек начинает мучить себя режимами, диетами, схемами, календарями, трекерами, записями, ограничениями, аскезами и считает, что тем самым собирает себя. Но если всмотреться, часто обнаружи-

вается обратное. Он не перестал быть ненасытным. Он просто сделал свою ненасытность более жёсткой и идеологичной. Раньше он жрал беспорядочно. Теперь он жрёт порядок. Раньше он жрал еду. Теперь он жрёт схемы. Раньше он передал сладким. Теперь он переедает ощущением собственной правильности. Но базовая архитектура не изменилась. Это всё та же ненасытность, только в новой одежде.

Поэтому книга должна сказать здесь очень неприятную, но необходимую вещь: не всякое саморазвитие есть развитие. Очень часто это просто культурно приличная форма обжорства. Человек не растёт, а набивает себя всё новыми и новыми слоями материала. Он становится не цельнее, а перегруженнее. Он не свободнее, а зависимее. Он не ближе к дисциплине, а ближе к очередной форме внутреннего спектакля.

На этом месте особенно хорошо видно, почему распушенный рассудок так трудно победить прямой атакой. Если бы он всегда вёл себя грубо, всё было бы проще. Но он умеет присваивать даже правильное. Он умеет сделать предметом пожирания и знание, и аскезу, и диету, и практику, и путь. Поэтому вопрос уже не в том, что именно ты потребляешь. Вопрос в другом: ведёт ли это к сборке формы или только к новому витку ненасытности.

И отсюда возникает решающий переход к третьей главе. Если простое потребление не даёт меры, если культурное и духовное потребление только усложняет мимикрию, если са-

монахи́е не лечит ненасытность, а лишь переодевает её, тогда как вообще выглядит правильная форма? Где начинается не очередная схема, а реальное возвращение меры?

Глава 3. Тело знает меру

Человек может годами мучить себя диетами, режимами, запретами, срывами, системами контроля и всё равно не стать свободнее. Он может вычеркивать продукты, ставить себе жёсткие рамки, вести дневники потребления, устраивать аскетические кампании, объявлять себе войну за войной и при этом оставаться абсолютно зависимым от темы еды, тела, контроля и собственного образа. Более того, нередко после всех этих лет он становится ещё более нервным, ещё более жёстким, ещё более зацикленным и ещё менее живым. И здесь надо признать неприятную правду: самонасилие не есть дисциплина.

Это одна из важнейших точек различения для всей книги. Современного человека с детства учат понимать волю как способность ломать себя через колено. Терпи. Дожимай. Не ной. Иди через не могу. Не слушай тело. Не обращай внимания на усталость. Не поддавайся слабости. В школьной, спортивной, военной и производственной культуре эта формула закрепилась настолько глубоко, что любая другая логика начинает казаться подозрительной. Если не давишь на себя, значит, расслабился. Если не кнутом, значит, не будет результата. Если не через надрыв, значит, это не дисциплина.

Но именно здесь и совершается одна из самых грубых ошибок рассудка. Он не доверяет телу. Он заранее уверен,

что если только отпустить поводья, тело немедленно сорвётся, нажрётся, распустится, завалит человека в тяжесть и хаос. Рассудок смотрит на тело как на подозреваемого. Как на слабое и опасное существо, которое нужно постоянно держать под надзором, ограничивать, стягивать, унижать, перedelывать, загонять в рамки. И в этом отношении он ведёт себя как плохой хозяин: сам создаёт проблему, а потом обвиняет в ней того, кого мучает.

На самом деле ситуация прямо обратная. Проблема — не в теле. Проблема — в рассудке, который потерял меру и теперь перекладывает свою вину вниз. Он говорит телу: это ты обожралось, это ты не знаешь границы, это ты слабое, это тебя надо дожать. Но именно рассудок и не знает меры. Именно он не умеет остановиться. Именно он продолжает требовать, добирать, компенсировать, пожирать и добивать там, где тело уже давно всё поняло. Поэтому первая положительная формула этой части должна быть сказана жёстко и прямо: телу нужно доверять. Тело не оставит и не предаст.

Это не сентиментальная фраза и не телесный культ. Это очень точное различие. Тело раньше рассудка знает, когда достаточно. Оно раньше чувствует насыщение, усталость, перегрузку, утрату вкуса, потерю ритма, начало тупости, избыток. Оно не заинтересовано в бесконечном доборе. Ему не нужен лишний кусок ради психологической компенсации. Ему не нужны лишние новости, лишние стимулы, лишние дозы возбуждения, лишнее пережёвывание дня. Всё это нуж-

но не телу. Всё это нужно распушенному рассудку, который не может переносить пустоту и завершённость.

Именно поэтому для обжорства главный предохранитель — не героическая аскеза и не широкая философия меры вообще, а ритм и рамки тела. Здесь особенно уместно вспомнить одну из самых точных формул дона Хуана: «Путь воина — это все. Это воплощение умственного и физического здоровья». Если это так, то тело на пути не может быть врагом, которого нужно ломать, морить, переделывать или унижать. Напротив, его нужно возвращать в союз, в ритм и в меру. Рассудок должен научиться в этом месте останавливаться. Не командовать телу, не спорить с ним, не дожимать, не устраивать переговоры после сигнала насыщения, не подозревать его в измене. Если тело говорит: хватит, значит хватит. Если тело говорит: стоп, значит стоп. Если оно уже не хочет, значит рассудок дальше не имеет права лезть в него со своими доводами, обидами, схемами, страхами и идеологией правильного питания. В этом и состоит первый реальный акт дисциплины.

Нужно понять, насколько это трудно для распушенного рассудка. Он ведь почти никогда не признаёт, что должен уступить телу. Для него это звучит как слабость, как потеря контроля, как риск распада. Ему кажется, что как только он перестанет насиловать тело, всё сразу развалится. Но именно это и есть его ложь. Он не различает контроль и террор. Он не понимает, что террор не создаёт меры, а только раз-

рушает чувствительность. А без чувствительности никакой подлинной дисциплины не будет. Будет только нервный, истерический надзор, за которым почти всегда стоит страх.

Поэтому правильная форма в этой главе начинается не с нового приказа, а с нового доверия. Нужно разрешить себе услышать тело не как врага, а как первый орган различения. Это особенно важно именно в теме обжорства. Потому что здесь человек почти всегда приучен воевать не с причиной, а с жертвой. Он бьёт ту самую лошадь, которую сам же загонял. Он требует от тела выдерживать то, что распущенный рассудок в него бесконечно запихивает. А потом, когда тело срывается, тяжелеет, тупеет, заболевает или начинает защищаться, он объявляет именно его источником проблемы. Это и есть одна из главных несправедливостей внутренней жизни.

Если перевести эту мысль в предельно практическую форму, она будет звучать так: для первой части книги дисциплина рассудка начинается с того, что он снимает руки с тела. Он перестаёт дёргать его за удила, перестаёт подозревать, перестаёт требовать от него невозможного, перестаёт превращать питание в моральную войну. Он начинает слышать ритм. А ритм — это не абстракция. Это время голода и насыщения. Время усталости и отдыха. Время тишины и прекращения добора. Время, когда уже не нужно ничего добавлять. Именно в этом месте начинает восстанавливаться мера.

И здесь появляется первый предохранитель из всей буду-

щей линии книги: не лезь туда, где тело уже всё знает. Это и есть защитный узел против обжорства. Если рассудок дисциплинирован, он умеет отступить. Он не обязан вечно вмешиваться. Он не должен доказывать своё господство. Он не должен превращать тело в подчинённого, которого держат в страхе. Напротив, его задача здесь — распознать предел своей компетенции и признать, что в вопросе насыщения, ритма и базовой меры тело знает больше.

Это не значит, что теперь всё станет автоматически хорошо. Распущенный рассудок всё равно будет пытаться возвращаться. Он будет сомневаться, торговаться, пугать, рационализировать, придумывать исключения и оправдания. Но если хотя бы один раз человек честно увидит, что тело действительно знает меру лучше, чем его внутренняя говорильня, то у него появится первая реальная опора. Не теоретическая, а пережитая. Он почувствует, что доверие телу не разрушает форму, а наоборот начинает её восстанавливать.

Вот почему путь в этой части начинается не с жестокости к себе, а с прекращения внутреннего предательства. Рассудок долгие годы предавал тело, обвиняя его в собственных излишествах и наказывая его за собственную распушенность. Теперь он должен остановиться. Он должен признать свою границу. Он должен перестать ломать то, что пытается его спасти. Потому что именно тело первым несёт человеку весть о мере.

Так и нужно закончить эту часть: не общей проповедью

о добродетели, а очень простым и жёстким разворотом. Обжорство побеждается не войной с телом, а возвращением доверия к телу. Не к любой прихоти, не к любому капризу, а именно к его базовой способности различать насыщение, предел и ритм. Тело не оставит и не предаст. Предаёт как раз рассудок, когда теряет меру и потом сваливает вину вниз.

И только после этого можно двигаться дальше. Потому что следующий режим начинается там, где рассудку уже мало просто добирать. Там он начинает хотеть не только потреблять, но и присваивать. Не только есть, но и захватывать. И именно так обжорство переходит в похоть как следующий тип распада.

Часть II. Похоть

Похоть в этой книге не будет пониматься только как тема сексуальности в узком смысле. Такое понимание слишком быстро уводит разговор либо в бытовую мораль, либо в дешёвую провокацию, либо в бесконечные оправдания в стиле «это же естественно». Для нашей задачи этого недостаточно. Похоть — это более широкий и более опасный режим распущенного рассудка. Если в обжорстве рассудок прежде всего хочет добрать, то в похоти он уже хочет захватить. Ему мало насытиться. Ему нужно присвоить. Мало получить впечатление — нужно иметь постоянный доступ к его источнику. Мало пережить возбуждение — нужно подчинить себе то, от чего оно возникает. Мало быть рядом — нужно, чтобы другой стал частью внутреннего хозяйства рассудка.

Именно поэтому похоть идёт после обжорства. Это не случайный переход. Ненасытность почти неизбежно стремится стать захватом. Пока рассудок только жрёт, он ещё может делать это относительно пассивно. Но очень скоро ему становится мало. Он хочет уже не просто потреблять, а владеть источником потребления. Он хочет не просто получать, а иметь право на доступ. Он хочет закрепить своё возбуждение, своё удовольствие, своё влияние, своё ощущение силы, своё право на присутствие другого человека в собственной внутренней системе. В этом смысле похоть — это уже не

просто голод, а голод, ставший присвоением.

Поэтому и в этой части тело не будет объявлено виновником. Тело может быть затронуто, вовлечено, ранено, использовано, перегружено, унижено, развращено или обмануто. Но источник проблемы и здесь остаётся тем же: распушенный рассудок. Именно он делает из другого человека объект. Именно он превращает живую встречу в потребление. Именно он хочет не просто близости, а власти над близостью. И именно он потом будет прикрываться словами о свободе, естественности, искренности, живости и праве на желание.

Задача этой части — показать три вещи. Во-первых, похоть начинается задолго до физического действия. Она начинается уже там, где рассудок смотрит на другого как на ресурс для собственной нехватки. Во-вторых, похоть особенно опасна тогда, когда мимикрирует под свободу, телесную раскрепощённость, честность с собой и даже духовную смелость. В-третьих, правильная форма здесь заключается не в подавлении жизни и не в кастрации чувства, а в одном очень точном предохранителе: другой не принадлежит тебе и не существует для компенсации твоей внутренней пустоты. Из этого предохранителя и вырастает возможность близости без захвата.

Глава 4. Рассудок, который хочет захватывать

Есть момент, когда человек смотрит на другого уже не как на живое существо, а как на источник своего внутреннего добора. Внешне это может быть почти незаметно. Он ещё ничего не сделал. Он может вести себя вполне культурно. Он может даже говорить правильные слова. Но внутри уже произошло главное. Другой человек перестал быть другим. Он начал превращаться в объект внутреннего использования. В источник возбуждения, признания, подтверждения, доступа, власти, обладания, эмоционального питания. Именно здесь и начинается похоть.

Обыденное сознание почти всегда сужает похоть до темы секса. Из-за этого она выглядит или как частная слабость, или как морально окрашенный порок, или как неизбежная «природа человека». Но если всмотреться глубже, становится видно: сексуальный слой здесь только один из вариантов. Суть похоти — не в физиологии как таковой. Суть — в захвате. В стремлении превратить другого в постоянно доступный источник для собственной нехватки.

Человек может желать не только тела другого человека. Он может желать его внимания, его зависимости, его восхищения, его эмоциональной вовлечённости, его готовности быть рядом тогда, когда самому хочется, и отсутствовать то-

гда, когда не хочется. Ему нужен не сам другой, а право пользоваться откликом другого. Поэтому похоть легко пересекается с темами власти, тщеславия, страха одиночества, внутренней пустоты и недоверия к жизни. Она редко бывает чистой. В ней почти всегда уже сидят и голод, и страх, и гордыня, и желание компенсации.

Именно в этом месте надо провести очень важное различие. Живое притяжение само по себе не есть похоть. Телесный отклик не есть похоть. Желание близости не есть похоть. Всё это может быть частью жизни. Похоть начинается там, где рассудок делает из другого средство. Где он уже не встречается, а присваивает. Не любит, а потребляет. Не слышит, а использует. Не терпит свободу другого, а внутренне требует доступа. Ему мало реального присутствия. Ему нужно ощущение владения.

Эта логика особенно хорошо видна в современной цифровой среде. Человек может бесконечно следить за чужими лицами, телами, реакциями, сторис, сообщениями, последним посещением, отметками, лайками, фотографиями и считать всё это чем-то почти невинным. Но в действительности здесь часто работает та же самая похотливая архитектура. Ему мало, что другой существует. Ему нужен постоянный контакт с его образом. Ему нужен непрерывный микродоступ. Ему нужно держать на крючке не тело даже, а возможность касаться чужого присутствия тогда, когда сам этого захотел. И это уже не про свободу. Это про захват.

Надо заметить и ещё одну вещь. Похоть всегда плохо переносит реальность другого человека. Пока другой далёк, пока он — фантазия, проекция, образ, возможность, повод для внутренней дрожи, всё кажется сильным и красивым. Но как только другой начинает проявляться как отдельное существо со своим ритмом, своими границами, своим правом на «нет», своими усталостями, паузами, молчанием и непредсказуемостью, похоть начинает раздражаться. Потому что ей нужен не живой человек, а удобный источник отклика.

Вот почему похоть — это не избыток жизни, а, напротив, одна из форм бедности рассудка. Она возникает не там, где в человеке слишком много силы, а там, где силы мало и потому хочется присвоить внешний источник подпитки. Рассудок, не умеющий держать себя, очень быстро начинает хотеть держать другого. Ему легче контролировать чужой отклик, чем столкнуться с собственной пустотой.

И здесь снова надо вернуть формулу первой части: рассудок распускается — кто-то платит. В обжорстве платит прежде всего собственное тело. В похоти начинают платить уже двое. Твоё тело, другой человек, сама возможность близости, само пространство доверия. Всё это оказывается втянутым в режим использования. И потому похоть всегда разрушает больше, чем обещает. Она обещает остроту, полноту, насыщенность, живость, чувство силы. А даёт зависимость, нервность, внутренний захват, обиду, ревность к недоступ-

ности, скрытое насилие и глубинную невозможность успокоиться.

Отсюда и главный тезис этой главы: похоть — это рассудок, который хочет не просто переживать жизнь, а владеть её источниками. Пока человек не видит этого, он будет называть похоть чем угодно: любовью, страстью, живостью, честностью перед собой, правом на желание, телесной свободой. Но архитектура останется прежней. Он будет пытаться превратить другого в источник постоянного внутреннего добра.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.